
ЭДУАРД СКОБЕЛЕВ

САМОЕ ПРОЧНОЕ ОСНОВАНИЕ РОССИИ

Ответ на “полемические заметки” Б. Лукьянова

С грустью прочел сумбурные “Полемические заметки” Бориса Лукьянова в “Русском вестнике” (№ 17–18, 2007 г.). Он гальванизировал известную проблему, и в решительности, с которой он выплеснул горшок с перекишими помоями на голову публики, ему не откажешь.

После мучительных “русских революций” 1905, 1917 и 1991 гг., завершившихся развалом СССР и страшными смещениями в мире геополитических реалий, такой и должна была быть реакция испуганного роковыми поражениями человека: “Литература меньше всего работала на укрепление народного духа, на созидание. После нее хотелось либо плакать, либо покончить с собой, либо примкнуть к разрушительным для страны движениям, либо бежать”.

Поздновато дошло. Что ж, можно сказать и так, хотя я лично никогда не воспринимал столь односторонне произведения Достоевского, Толстого, Чехова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина и наших современников Белова и Распутина.

В конце концов, художественная литература не инструкция по планированию личной жизни и воспитанию деловитости, а русская классика включает и Пушкина, и Есенина, и Рубцова, и Куняева...

Проблема есть, причем она гораздо шире, чем показано. И совсем, видимо, не случайно Борис Лукьянов не касается в своих заметках ни характеристики эпох, ни ориентации правлений, ни действий в России антирусской колонны, ни всем известного засилья враждебных русской культуре элементов в официальной идеологии, книгоиздании, книготорговле и литературной критике.

Обжегшись на молоке, дуют на воду – это естественно, и почтенный критик, безусловно, хорошо знающий реалии российской истории, перепасовывает задачи гражданского воспитания художественной литературе, которая решает в этой сфере только небольшие и весьма специфические проблемы.

В моем досье оказались некоторые работы Б. Г. Лукьянова, доктора философских наук, заслуженного деятеля искусств России, которые, однако, не позволяют с определенностью выявить его философию.

СКОБЕЛЕВ Эдуард Мартинович родился в 1935 г. в Минске. Окончил Московский институт международных отношений. Поэт, прозаик, публицист, переводчик. Автор многих книг. Член Союза писателей Беларуси. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь и премии “За духовное возрождение”. Заслуженный деятель культуры. Живет и работает в Минске

В некоторых прежних статьях уже проглядывает безоглядно “смелый” автор нынешних “острополемических заметок”. Он и прежде поддерживал острые, но несправедливые выпады В. Розанова, а также И. Солоневича в адрес русской литературы, хотя тогда допускал, что, может быть, литература “учила хорошо, но мы – бездарные ученики”.

А вот и образчик окрепшей ныне “диалектики” в оценках чужого труда: “Но как раз в наличии хороших страниц я вижу наибольший вред книги... Ибо, согласившись с верным, читатель может некритично заглотить и неверное, то есть всю эту псевдофилософскую, провинциальную галиматью, оскорбительные и клеветнические по своей сути измышления о русской душе, России и русских людях”.

Конечно, это явный перегиб и перехлёст. Я отмечаю их не для того, чтобы уязвить Б. Лукьянова, а для того, чтобы восстановить истину, которая всегда не проста, хихикает там, где мы плачем, и хохочет, где мы чувствуем себя судиями.

Вот один из пассажей:

“Русская литература не учила человека улучшать жизнь в собственной стране (если не считать дурацких утопий вроде “Что делать?” Чернышевского), находить мир среди сословий, улаживать противоречия. Наоборот, она подрывала у читателя веру в себя, в возможность что-то изменить к лучшему”.

Ахинея чистой воды. Меня, например, русская классика учила улучшать жизнь в своей стране. Но классику, вообще-то, не стоит воспринимать утилитарно.

К тому же эта вопиющая бестактность по отношению к русскому гению Чернышевскому! Его прозорливые социологические идеи великолепно работают в Израиле, где несколько процентов общин дают пятую часть всего сельхозпроизводства. А в России общины работали бы еще лучше. Но усиления России ее враги никогда добровольно не допустят, потому и смеются над общиной иные ценители классики. Тоже ведь вопрос – почему?

Ещё Лукьянов топчет грязно Салтыкова-Щедрина, утверждая, что тот в своем веке “заменил тысячу Геббельсов”. А я не представляю себе более точных характеристик правителей и правящей в России безнациональной бюрократии, чем те, которые ей дал Щедрин, во все горло кричавший о необходимости перемен, способных упредить другие – разрушительные – перемены.

Начав с праведного гнева, Лукьянов закончил совершенно недопустимым отрицанием великих людей России, словно позабыв, что величие и энергия нации питается примерами их подвижничества и их славы.

Мир признал в качестве выдающихся мастеров художественной литературы Толстого, Достоевского, Чехова да и наших славных современников Белова и Распутина, а Борис Лукьянов их перечеркивает, потому что ему кажется, что и они повинны в разрушении России и СССР.

То, что он делает, надо надеяться, исходя из лучших побуждений, дело совершенно недостойное: фактически добывает нашу нацию, лишая ее признанных мастеров величайшего уровня.

Значение писателя заключается ведь не только в том, что он пишет “воспитательный роман”, но и в том, что он развивает в себе личность эпохального размаха, на достоинства и мастерство которой ориентируются затем многие поколения.

Лукьянов занимается литературоведением, а, оказывается, одна из важнейших характеристик творчества как бы совершенно выпала для него...

После прочтения “Полемических заметок” становится ясно, что автор ни на шаг не продвинулся вперед не только от критикуемых больших величин, но даже и от величин средних, которые всегда исходят из того, что их задача – брякнуть что-либо зычное, а сделать должен кто-то другой – правительство, городской, общество, теперь вот и литература...

Именно поэтому благонамеренные апелляции Лукьянова, производя опереточное впечатление, повисают в воздухе и никого не могут убедить – разве что коварно поколебать юные души в былых убеждениях.

Вот автор говорит о Льве Толстом: “А что значит он как хранитель народной души?..”

Громко и кощунственно. Но – пусто нутро фразы: барабан, не более того. Ведь если я попрошу указать на иных “хранителей народной души”, Лукьянов просто оскандалится.

Нельзя так! Русские классики – это, может быть, основное наше богатство. Стало быть, бережное отношение к этому богатству должно стать первой заповедью всякого порядочного русского человека.

Лукьянов выдает себя как весьма тщеславного исследователя, изрекая чудовищное: “То, что русский человек выжил как психический и национальный тип вопреки своей так называемой классической русской литературе, – самое большое чудо его истории”.

Это демагогия в духе нынешних “прогрессистов”. И русский человек не нуждается ни в каких ободряющих похлопываниях по плечу.

Ему еще предстоит выжить и утвердить свою державную волю, опираясь, между прочим, на накопления классической русской литературы.

Мне искренне жаль, если автор “Полемических заметок” кого-то совратит или развратит своими неуместными, несвоевременными и просто провокационными нападками на русскую классику, которая имеет достаточно потенци, чтобы осчастливливать бесценным подарком высшей нравственности не только народы России, но и всего мира.

“Заметки” – прекрасный подарок тем, кто, осуществляя осознанный геноцид русских, уже после развала СССР убил не один миллион наших сограждан и продолжает их убивать. Как приятно и выгодно слышать негодьям, что не они виноваты, а сами русские, придумавшие чепуху и назвавшие её классикой!

Так кто же наносит сегодня удар по сопротивляемости русской нации и её друзей? Кто толкает к моральному разоружению в самый критический момент? Кто перед всем миром обгаживает не столько себя, сколько всех прочих, вопя, что желает очиститься?

Запрограммированность “обличителя” выдаёт себя тем, что он не контролирует собственную “диалектику” на протяжении даже трёх десятков страниц. Откуда этот пассаж о русской литературе, имеющий обобщающий характер: “В лице влиятельной части интеллигенции общество получило как бы постоянную “пятую колонну”, которая словесно была за народ, но при этом всегда оказывалась на стороне врагов России как государства”?

Поражаешься примитивизму такого понимания классиков. Видимо, и впрямь, даже для высокообразованных людей нужны толкователи. Почти везде, где Лукьянов задиристо лягает Л. Толстого (зная, что он не ответит), прав всё-таки классик, а не критик, но прав в перспективе, которую великий писатель видел, а его обличитель до сих пор не видит.

Ему кажется, что “простая лояльность” граждан в 1917 году уберегла бы Россию. Это пустая фантазия. Ради того, чтобы не допустить этой “простой лояльности”, была осуществлена мировая война, физически уничтожившая цвет нации при слепом и парализованном масонском (то есть тем же бундовским) конформизмом строе, который было уже не спасти.

Правящая царская Россия – и этого не перечеркнуть – была оторвана от народной среды, труслива от невежества и бездарности и слишком подвержена подкупу. Это ведь правящая, источенная гибельным масонством царская Россия позволила наводнить Государственные думы русофобскими элементами. Это ведь правящая царская Россия нанесла предательский удар по Николаю II, он был просто ошеломлён низостью “слуг Отечества” и в этом состоянии отрёкся от престола, хотя обязан был бороться до конца, – его одни Львовы, а тем более Троцкие никогда бы не свалили. . .

. . . В пустом пафосе и оговорках, прикрывающих нечто непонятное, затемнённое, даже злое, мы не испытываем никакой нужды, как и во вкрадчивом ярлычке “пятой колонны”, фактически навешенном на русскую литературу.

Отвергая любые попытки взорвать самое прочное основание России – её культуру (а художественная литература, наряду с классической и народной музыкой, есть сердцевина культуры), я хотел бы закончить свой ответ Б. Лукьянову словами выдающегося писателя наших дней – Владимира Личутина: “Да, русское небо замглилось от воронья, охочего до падали, и как тут было не впасть в уныние простецу – человеку, оказавшемуся вдруг среди бела дня в тёмном диком лесу, когда простой-то куст видится за злодея с топором. . . И вот с правой стороны и с левой стали дружно клеймить русского интеллигента, якобы продавшего мужика за чечевичную похлёбку, якобы он всегда был гнил и неверен душой, что всегда смотрел на Запад, что от него извечно припахивает гнильцою, некрофилией и глумом, что он всегда раб по

натуре и потому кормился обедками то с царского стола, то из партийного кашного котла; но все вразумления, дескать, братцы, это не так, что русскому народу нет перевода, что это поклеп, навет злоумышленных людей, чтобы навести тоску и перессорку на Россию, — не помогали. Тень на плетень была наведена искусной рукою: дескать, творители и радители народные скоро продались новым барам, а несчастные мужички брошены на произвол судьбы, на съедение “волцам в овечьей шкуре”, и тем временем, как вы загибаетесь на своих тощих наделах в невероятной скудости, ваши духовники и избранники пресыщаются икрой и коньяками, греют жирное пузцо на Канарах...

Хочется сказать, что Россия — это не Евразия и не слепок с Европы, не жалкий бессловесный придаток ее и не льдина, потиху истаивающая и осыпающаяся в пучины под жаром цивилизации, плывущая неведомо куда (по Распутину), это и не айсберг, толщей своею уходящий в таинственные океанские глубины (по Бондаренко), потому что каждому айсбергу придет конец, когда он прибьется к берегу; Россия — это опорная колонна земного шара, это материк особенного свойства, это и вечно живой кит, на котором покоится в пучине бездны мать сыра земля... Цель, которая стоит перед Россией, отодвинута за окоем и подобна не гаснущей вечерней заре; она отступает иль, наоборот, нестерпимо ярка, скрывается при всяком приближении к ней, и если мы до сих пор не можем ухватить ее за крыло, это не говорит о том, что цели нет, что мы живем пустыми миражами и сочиненными мифами, но что она грандиозна и неохватна для голоручья — обожжешься, — мы еще не готовы овладеть ею, как своею, ибо не вполне пока русские”.

И никогда не станем русскими без Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина и других, давно ушедших, но тем не менее, к радости нашей, пока живущих среди нас.